

В ЖАНРЕ КОММЕНТАРИЯ

DOI 10.37386/2305-4077-2022-2-86-91

С. В. Савинков¹

Воронежский государственный педагогический университет

Воронежский государственный университет

«ОБЫКНОВЕННЫЕ» КАК МНОЖЕСТВО НЕОРДИНАРНЫХ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Статья представляет развернутый комментарий к тому месту романа «Идиот», в котором представляется типологическая характеристика сообщества обыкновенных людей. Невозможность изменения и развития оказывается определяющей чертой этого ряда, но обуславливается уже не табелем о рангах. Обыкновенный человек, будучи представителем множества, мечтает не о достижении заветной ступени в чиновничьей иерархии, а о признании всеми того, чего у него изначально нет, – оригинальности. Принадлежа множеству обыкновенных, ординарный человек противопоставляет себя ему, тем самым заявляя о своем с ним неравенстве и одновременно о равенстве с теми гениями человечества, с которыми у него не может быть равенства по определению.

Ключевые слова: Достоевский, множество, обыкновенные люди, оригинальность, неравенство, изменение, развитие

S. V. Savinkov

Voronezh State Pedagogical University

Voronezh State University

“ORDINARY” AS A SET OF EXTRAORDINARY IN THE ARTISTIC SOCIOLOGY OF F. M. DOSTOEVSKY

The article presents a detailed commentary on the place of the novel “Idiot”, in which the typological characteristics of the community of ordinary people are presented. The impossibility of change and development turns out to be the defining feature of this category, but it is no longer due to the table of ranks. An ordinary person, being a representative of the multitude, dreams not of reaching the cherished step in the official hierarchy, but of knowing by everyone what he initially does not have – originality. Belonging to a multitude of ordinary people, an ordinary person opposes himself to him, thereby declaring his inequality with him and at the same time equality with those geniuses of humanity with whom he cannot have equality by definition.

Keywords: Dostoevsky, the multitude, ordinary people, originality, inequality, change, development

¹ Сергей Владимирович Савинков – доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы Воронежского государственного педагогического университета и профессор кафедры журналистики и литературы Воронежского государственного университета, svspoint@yandex.ru.

В основе теории Раскольникова лежит идея уготованности: кому-то уготовано быть «одним из многих», а кому-то иметь статус «единственного». Как и в известной тому времени книге Макса Штирнера, в «Преступлении и наказании» внимание сосредоточено на «единственном» [Штирнер, 2019]. На изучении сознания и психологии того, кто помыслил себя в когорте необыкновенных в теории, а на практике вынужден был признать свою ошибку, а значит, и свою принадлежность обыкновенным.

Вопрос о том, почему в голову обыкновенного человека может прийти мысль о собственной исключительности, Достоевского, как видно, очень занимал. Об этом свидетельствует предпринятое писателем систематическое и последовательное изучение этого типа в романе «Идиот».

На одном из его представителей повествователь остановится в предведомляющем третью главу «ироническом» отступлении. Солью его иронии станет мысль о том, что недостаток оригинальности является лучшей рекомендацией человека дельного, делового и практического. Практический человек нацеливается в своей жизни на то, чтобы избежать всякого рода в ней крайностей: он не отступает от принятых в обществе правил поведения и получает за это от него одобрение и поощрение. Обратный пример, который приводит повествователь, – несоответствующее такой установке семейство генерала Епанчина. От всех других почтенных семейств его отличает непрактическая оригинальность: «...они все-таки иногда подозревали, что у них в семействе как-то всё идет не так, как у всех. У всех гладко, у них шероховато; все катятся по рельсам, – они поминутно выскакивают из рельсов» [Достоевский, 1973, т. 8, с. 270]². Если использовать для сравнения геометрический образ колеи, то можно сказать, что ординарный человек так же не в состоянии измениться (отклониться от заданного пути), как не могут пересечься, согласно евклидовой геометрии, параллельные прямые.

Будучи общей для всех принадлежащих к разряду обыкновенных людей метафорой их существования, колея приобретает достаточно широкий диапазон значений. Наличие такого диапазона обусловливается неоднородностью обыкновенных. Их множество разделяется на подмножества³.

Согласно предложенной в романе «Идиот» классификации, всех обыкновенных можно разделить на два разряда: на «ограниченных» и на тех, кто «гораздо поумнее». Главное различие между этими двумя разрядами заключается в следующем. Ограниченные – ничего не знают о том, что их существование подобно существованию в колее, а «гораздо поумнее», в конечном счете, догадываются. При этом и те и другие, будучи ординарными, позиционируют себя в качестве неординарных. Легче это удастся «ограниченному»: «Ограниченному «обыкновенному» человеку нет, например, ничего легче, как вообразить себя человеком необыкновенным и оригинальным и усладиться тем без всяких колебаний» (т. 8, с. 384).

² Произведения Достоевского цитируются по этому изданию. Далее номер тома и страницы указывается в круглых скобках после цитаты.

³ О типологии Достоевского см.: [Алексеев, 1997, с. 236-237; Фаустов, 2015, с. 179-196; Robin, 2015, с. 139-148].

Одним из самых выдающихся представителей этого типа является гоголевский поручик Пирогов: «Пирогов даже и не сомневается в том, что он гений, даже выше всякого гения; до того не сомневается, что даже и вопроса себе об этом ни разу не задает; впрочем, вопросов для него и не существует» (т. 8, с. 385). Беспрецедентная «самоудовлетворимость» позволяет Пирогову вообразить себя кем угодно, хоть и великим полководцем.

Кстати говоря, в романе есть персонаж, воображение которого тоже не знает границ. Это генерал Иволгин. Но он, в отличие от Пирогова, в глубине души все-таки знает, что то, куда его уносит воображение, не соответствует действительности. Его вдохновенная и без задней мысли ложь вызывает даже сочувствие. Ясно, что генерал Иволгин обыкновенный человек. Но также ясно, что он (при отсутствии пироговского самоудовлетворения) не соответствует ни «ограниченному» типу, ни типу «гораздо поумнее», представители которого на деле, а не в воображении желают реализовывать свои амбиции.

То, что классификация повествователя слишком схематична и не учитывает все возможные варианты, видно на примере и такого персонажа, как Птицын. Будучи совершенно обыкновенным человеком, Птицын тем не менее не хочет, как того требует теория, стать неординарным. Он со всей отчетливостью представляет свою колею, потому что «с самого детства уже знал, что Ротшильдом никогда не будет» (т. 8, с. 387), но будет иметь на Литейной несколько домов. Его жена, Варвара Ардалионовна, тоже знает о своей ординарности и примиряется с ней: «она была из числа «обыкновенных» людей, мечтающих об оригинальности, но зато она очень скоро успела сознать, что в ней нет ни капли особенной оригинальности, и горевала об этом не слишком много...» (т. 8, с. 387). Они оба звезд с неба не хватают, и оба понимают, что не дано хватать.

Такое отклонение от классификации, по всей видимости, важное для Достоевского обстоятельство: каждая ее разновидность может быть дополнена близкими, но не совпадающими с ней другими. Уже само наличие таких отклонений ставит под сомнение возможность теории представлять окончательную заданность.

Вариативность и разнообразие – есть то, что присуще сфере обыкновенного, а не исключительного. Исключительное – единично, множественное – обыкновенно. «Обыкновенные» – это множество единиц, каждая из которых стремится к отдельному существованию. Обыкновенный человек способен возненавидеть такого же, как и он, обыкновенного человека только за свою на него похожесть. Так что появление двойников возможно исключительно в среде обыкновенных людей. Ипполит Терентьев заражен «желанием оригинальности» не в меньшей степени, чем Ганя Иволгин. И так же, как и его двойник, не способен ее обрести. В самом желании Ипполита обставить чтение своего предсмертного письма таким образом, чтобы оказаться в фокусе всеобщего внимания, улавливается скрытый мотив: хоть и таким способом стать неординарным. Обыкновен-

ный человек интересен Достоевскому его по меньшей мере двухмерностью, способной принимать разные очертания и формы. Одно только сочетание правды и лжи имеет в нем широкий диапазон конфигураций – от простодушного вранья до клеветы. В «Идиоте» со всей наглядностью это демонстрируют генерал Иволгин, Лебедев, Келлер. Все они являются заложниками своей двойственности, их внутренней колеи. Двойственность, как выразился в одном месте Достоевский, есть обыкновенная черта обыкновенного человека, делающая его не совсем обыкновенным.

Среди «обыкновенных» есть и такой не совсем обыкновенный тип, как Гаврила Ардалионович Иволгин. Емкую характеристику ему дает Ипполит: «... вы тип и воплощение... самой самодовольной, самой пошлой и гадкой ординарности! <...> Ни малейшей собственной идеи не суждено воплотиться ни в уме, ни в сердце вашем никогда» (т. 8, с. 399). А в романе «Подросток» подобным образом характеризуется один из приятелей рассказчика: «... что он лишь жалкая бездарность и ординарность и что в нем никогда не было ни малейшего признака идеи» (т. 13, с. 79). Такого типа ординарный человек изо всех сил стремится стать неординарным, не имея для этого никаких оснований. Его цель – во чтобы то ни стало перейти в разряд необыкновенных.

Самим наличием такой цели он вписывается у Достоевского в определенную персонажную парадигму. Достаточно вспомнить, что Яков Петрович Голядкин – господин средней руки – во что бы то ни стало, как и его литературный предшественник, Поприщин, хочет попасть в круг избранных единиц и терпит фиаско. Но и «нуль» Гоголя (ассоциирующийся с ничтожеством: я нуль потому, что я ничто) и нуль Достоевского (ассоциирующийся с множеством: я нуль потому, что я такой же, как другие) наделяются общим признаком неизменности, «готовости». Нуль не может стать единицей самолично, посредством самостановления, саморазвития. Он есть такая изначальная данность, с которой он сам ничего поделаться не может. Ему остается уповать на чудо, на случай, на судьбу – на внешние по отношению к нему силы.

Однако в отличие от Гоголя у Достоевского уже в «Двойнике» оппозиция «ноль vs. единица» имеет опосредованное звено, связанное с понятием «множества», а через него и – «ординарности». Общая для Поприщина и Голядкина цель – превращение в другого (испанского короля или жениха генеральской дочери) – имеет у Гоголя и Достоевского существенно разнящуюся подоплеку. Голядкин Достоевского переживает свою «нулевость» иначе, чем Поприщин: нуль связывается для него не с представлением о ничтожности, а с представлением об ординарности. Не быть нулем означало бы для него не быть как все, а быть как те, кто составляет общество избранных единиц. Но для того, чтобы попасть в это общество, нужно изменить predetermined чинном титулярного советника раз и навсегда заданное «готовое» состояние. А так как изменить «готовость» никак и ничем невозможно, остается только одно – отказаться от себя самого, стать другим.

В отличие от своих литературных предшественников, Гаврила Ардалионович Иволгин не титулярный советник. Ординарный человек существует вне табеля о рангах, и потому им может быть и титулярный советник, и генерал, и кто угодно. А это означает, что и неизменность ординарного человека иного рода. Ее основание – нарциссическое желание самосбережения. Иволгин так удовлетворен собой, что стать другим, как его литературные предшественники, уже не желает. Он хочет перейти в разряд необыкновенных так, чтобы остаться самим собой. Не в силах совершить этот переход самостоятельно, он рассчитывает не на себя, а на чудесных помощников – на деньги или на чудесную жену. Вспомним его доверительное признание Мышкину: «Нажив деньги, знайте, – я буду человек в высшей степени оригинальный. Деньги тем всего подлее и ненавистнее, что они даже таланты дают. И будут давать до скончания мира. Вы скажете, это всё по-детски или, пожалуй, поэзия, – что ж, тем мне же веселее будет, а дело все-таки сделается. Доведу и выдержу (т. 8, с. 105).

В «Подростке» имеется параллельное место. Аркадий Долгорукий озвучивает свою идею: «В том-то и “идея” моя, в том-то и сила ее, что деньги – это единственный путь, который приводит на первое место даже ничтожество... Деньги, конечно, есть деспотическое могущество, но в то же время и высочайшее равенство, и в этом вся главная их сила. Деньги сравнивают все неравенства» (т. 13, с. 74).

Вопрос о равенстве и неравенстве один из животрепещущих для времени Достоевского.

Ординарный, т.е. такой же, как все, принадлежащий множеству, будучи равен этому множеству по определению, противопоставляет себя ему, заявляя о своем с ним неравенстве и одновременно о равенстве с теми гениями человечества, с которыми опять-таки у него не может быть равенства по определению.

Гений и ничтожество, если перефразировать Пушкина, в такой системе координат оказываются вещами совместными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев, А. А. Характерология этико-эстетическая // Достоевский: эстетика и поэтика. Словарь-справочник. – Челябинск: Металл, 1997. – С. 236–237.

Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 8 / Ф. М. Достоевский. – Ленинград: Наука, 1973. – 511 с.

Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 13 / Ф. М. Достоевский. – Ленинград: Наука, 1975. – 456 с.

Фаустов, А. А. Универсальные характеры русской литературы / А. А. Фаустов, С. В. Савинков. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2015. – С. 117–215.

Штирнер, Макс Единственный и его собственность / М. Штирнер. – Москва: РИПОЛ классик, 2019. – 464 с.

Robin, F.M. Children // Dostoevsky in contest / F.M. Robin. – Cambridge University Pres, 2015. – S. 139–148.

REFERENCES

Alekseev, A.A. Harakterologiya etiko-esteticheskaya // Dostoevskij: estetika i poe-tika. Slovar'-spravochnik. – CHelyabinsk: Metall, 1997. – S. 236–237.

Dostoevskij, F.M. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. T. 8 / F.M. Dostoevskij. – Leningrad: Nauka, 1973. – 511 s.

Dostoevskij, F.M. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. T. 13 / F.M. Dostoevskij. – Leningrad: Nauka, 1975. – 456 s.

Faustov, A.A. Metamorfozy «obyknovennogo cheloveka» // Universal'nye harakte-ry russkoj literatury / A.A. Faustov, S.V. Savinkov. – Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2015. – S. 117–215.

SHTirner, Maks. Edinstvennyj i ego sobstvennost' / M. SHTirner. – Moskva: RIPOL klassik, 2019. – 464 s.

Robin, F.M. Children // Dostoevsky in contest/ F.M. Robin. – Cambridge University Pres, 2015. – S. 139–148.